

*Анатолій
Ким*

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА – КЛЮЧ К ПРОШЛОМУ И БУДУЩЕМУ

1

Воистину, вначале было Слово. И в конце, если он предвидится, тоже должно быть Слово. Но что считать началом и что считать концом, если мы, человечество, постигли такое понятие как Вечность? У Вечности не должно быть начала и не может быть конца. Математическим символом вечности являются две окружности, соприкасающиеся в некой точке. Что это за таинственная точка? Может быть, она и означает гипотетические начало и конец мира.

Всего лишь увлекательная игра ума, составленная из сочетания слов. Но берусь утверждать вслед за профессором Робертом Ланца, медиком-биологом-философом, профессором университета Уэйк-Форест, что именно словесная игра ума создала не только все современное представление людей о Мироздании, но и само Мироздание. То есть вселенская картина, предстающая нашему просвещенному взору, со всей ее сложнейшей космической композицией, с невероятно изощренно выписанными земными деталями, не существовала бы, если бы не наше человеческое сознание.

Наш добрый сосед зеленый кузнечик, живущий в траве на прибрежном лужку, и наша добрейшая соседка зеленая лягушка, живущая в пруду, тоже имеют законченное представление о красоте окружающей их вселенной, и по такому поводу представлению они и выбрали цвета своей одежды, оба зеленые. Но что-то не сошлось в других параметрах их представлений о вселенных, в результате чего зеленая лягушка позволила себе съесть зеленого кузнечика. Произошло столкновение двух разных мирозерцаний, явно не совпадающих, кроме выбора зеленой одежды, и вселенная кузнечика исчезла во вселенной прожорливой лягушки.

Звездный мир, раскрывшийся старому ослику, выглядывающему из распахнутой двери сарая, и представший почтенному астроному, согнувшемуся над телескопом, оказываются совершенно разными. У ослика нет в голове таких представлений, как расстояние в миллиард световых лет, что волнуют астронома. И напрашивается вывод, что астроном в миллиард раз лучше знает о звездном мире, чем старый ослик. Но так ли это?

Для человека, над которым разверзлись бездны звездного мира, Вселенная возникла не как конкретно существующий предмет, расположенный вокруг его

головы, а как производное его внутреннего сознания. Сознание же, придя к нам не благодаря законам физики или химии, рождаясь неизвестно где, возникая неизвестно откуда и неизвестно почему, облачается на земле в одежду слов, подобную зеленой шкурке лягушки, которая съела зеленого кузнечика.

Опять все это слова, одни слова – миллиарды световых лет, галактики, звезда Сириус. Все это – одни только представления о сущностях, с которыми носитель сознания никогда не соприкоснется. Мыслимое ли дело – пространство в миллиард световых лет? С таким представлением жить на Земле крошечному носителю сознания становится весьма сложно.

Но бессловесное животное, вроде серенького ослика, или голый абориген из глубин нецивилизованной части Амазонии, не знающий таких слов, какие знаем мы, просвещенные наукой, – безъязыкие звери и малословные дикари видят вокруг себя ту же самую Вселенную, что и мы. Только она предстает перед ними совсем другою и, наверное, не так действует им на нервы – без столь невероятных слов, как миллиарды световых лет, галактика, звездные системы.

Итак, слова, в которые облачается сознание, и сознание, с помощью комбинаций слов создающее понятия, строят окружающий нас мир, а не окружающий мир создает нас, наши понятия и наши слова.

Тут мы подошли к самой парадоксальной, но самой главной части нашего разговора. Мира такого, какой представлен всеми существовавшими и существующими религиозными, мифологическими, философскими, научными, псевдонаучными системами, в объективности не существует и не существовало. Существовало человеческое сознание, формировавшее такие системы. Но откуда взялось само это СОЗНАНИЕ, совершенно непонятно. И самое удивительно – оно не материальное, хотя и явно осязаемое. Невидимое, но вызывающее яркие галлюцинации. Не обладающее энергией, но способное сметать целые города и горы.

Слово, человеческое Слово приводило к действию созидательные системы в нашем мире, вызывало цунами цивилизаций, сменяющих одна другую, порождало мировые войны, создавало новые парадигмы в космогонических представлениях, направляло прогресс, порождало технические революции, приводило к величайшим научным открытиям.

Наука и все реальное производное от науки – это результаты от составленных словесных систем. Научные законы, математические физические, химические формулы, на основе которых возникла современная техническая цивилизация, – это результат Слов, составленных в определенном порядке.

И воздействующие на погоду заклинания африканских колдунов, и формула Эйнштейна, давшая возможность создания ядерного оружия, – всё это результат Слов. Слово – demiurge, построивший существующее Мироздание. Да чего там, Слово – это само Мироздание. Которого не было бы, если не было бы этого слова – Мироздание.

Но Слово всего лишь одежда. Зелёная шкурка лягушки. Сама же лягушка, проглотившая зеленого кузнечика, это система Сознания. Сознание сотворило мир таким, каким мы его знаем. Бог сотворил мир за шесть дней – это слова. Научные слова объяснили, как возник мир: в результате Большого Взрыва. Но Большой Взрыв – это всего лишь слова. Столько-то миллиардов лет назад это произошло – это также слова.

Не было бы сознания, одетого в слова, не было бы реального мира – такого, каким мы его представляем. Наука, прогресс, цивилизация – это все слова. Не было бы слов – ничего этого не было. Мир убедительный, достоверный, наша Вселенная, устроенная по законам гравитации, не существовали бы без нашего Сознания. И

Вселенная не могла бы быть выстроена столь прочно и надежно без инструментария человеческих слов. Ибо все, что мы можем назвать Мирозданием, Божьим миром, не могло бы выйти на свет из невразумительного, никакого, бесформенного состояния, если не было бы человеческого Сознания.

Итак, я берусь утверждать о словесном, лингвистическом происхождении мира. Маленький, жалкий, слабенький человек, такой же маленький и жалкий, как и все люди на земле, – я берусь утверждать о божественном происхождении Логоса, человеческого сознания, и о демиургическом значении Слова при сотворении мира. И для меня понятие Бог – это также творение человеческого сознания, это всего лишь сакральное Слово, а не само Верховное Существо, Небесный Владыка. Его надмирная сущность и священное естество навеки неизвестны нам. У Него нет имени или названия. Но есть у нас понятие Бог, и Ему мы молимся и поклоняемся. И говорим: Бог сотворил мир. Поэтому я, маленький слабый человек, с крошечной головой, берусь утверждать лингвистическое сотворение мира – через Слово. Воистину, вначале было Слово, и лишь потом – Большой Взрыв или что угодно другое.

А теперь хочется говорить о чудесном инструментарии Сознания – Слове. И вот что удивительно: призванные одеть в фонетические одежды одни и те же понятия – как же по-разному звучат слова на различных языках мира! И если бы для людей разных народов не было бы в дополнение к звучащим словам еще чего-то особенного, то никогда бы двум разноплеменным человечкам, встретившись друг с другом, не понять, чего же надобно одному от другого.

Например: китайцу, встретившись с финном. Уж слишком по-разному и непохоже звучат китайская и финская речь. И невозможно было им понять друг друга, если бы в метафизической сущности слова не таилось того самого особенного, чудесного, свойства Слова. Это его двойное существование – звуковая (фонетическая) оболочка и не звучащая (смысловая) его экзистенция. И когда с помощью толмачей-переводчиков удается совместить общую понятийную сущность слова на китайском и финском языках – происходит взаимное понимание и восприятие чужой речи. Итак, взаимное понимание и перевод разных языковых природ возможны благодаря существующему – общему для всех людей – метафизическому течению незвучащих слов.

Итак, в основе человеческого сознания таится Слово. Но изначально оно неслышимо и невидимо. Изначальное Слово существует в Сознании как фантом, как призрак, как идея... И через метафизическое, не звучащее, дофонетическое Слово формируется Сознание. Сознание же материализует хаос невнятного Космоса в стройные системы – системы земных и небесных тел, дает им названия. Сознание упорядочивает небытие бесконечности в стройное космическое Мироздание.

Слово одновременно открывает и создает космические и земные закономерности через феномен Языка. Язык (Слово) открывает и тем самым создает физические, химические, астрономические законы. Слово познает и создает теорию относительности, квантовую механику, Слово создает «Монизм Вселенной» Циолковского, «Феномен человека» Тейяр де Шардена, «Биоцентризм» Роберта Ланца.

Слово подводит нас к пониманию того, что если Человек – частичка Вечности, то он бессмертен.

Слово дает нам понять, что если есть вечность, то времени нет. Если есть бесконечность, то пространства нет.

Я маленький, крошечный человек, стою перед вами и говорю, что осознание Слова дает нам беспредельную свободу и делает нас равными богам, которых мы

сами и создали: древнеиндийских, ассиро-вавилонских, древнеегипетских, иудаистских, античных.

На земле великое множество одушевленных существ, то есть у них есть души. Но у них нет своих слов, нет речевых систем и связанных речевых потоков, как у людей. И у них нет БЕССМЕРТИЯ, этого божественного состояния души.

2

С какого-то периода в каждой человеческой цивилизации начиналось употребление слов, речи, этнического языка общения не только для прагматического обслуживания жизни. Появились у людей некие эзотерические потребности, вопросы, которые невозможно было удовлетворить никакими материальными предметами, веществами, пищей, напитками, никакими тактильными, зрительными слуховыми раздражителями.

Это страх перед неизвестностью ночного пространства. Это любопытство о том, что находится за горизонтом, который воспринимался как край земли. Это – почему из множества окружающих женщин конкретному мужчине нравится конкретно какая-нибудь одна женщина, и он хочет именно от нее иметь детей. Появилась Любовь, с которой надо было обязательно что-то делать – преклоняться перед ней, служить ей, бороться за нее, стремясь как-то закрепить за собой.

Этих чувств и желаний никак невозможно было удовлетворить с помощью материальной, физической атрибутики жизни, ни силой, ни оружием, ничем внешним – и тогда человек стал прибегать к помощи слов. Он стал признаваться в любви женщине, писать стихи, как царь Соломон или Петрарка. От ночного страха неизвестности и лютых угроз он стал пытаться защититься с помощью каких-то таинственных слов, составленных в заклинания. Эти слова приходили нашим пращурам в состоянии вдохновения, или как мы теперь говорим – в состоянии измененного сознания. Они говорили, произносили заклинания – и беда отступала.

Нанайский охотник Дерсу Узала, встретившись в тайге с тигром, стал заклинать: «Амба! Амба! Твоя хороший люди, и моя хороший люди. Уходи, амба, не трогай меня! Уходи, амба!» И могучий тигр, готовившийся растерзать человека, вдруг отвернулся и пошел прочь.

Великий царь Израильский Соломон, имевший две тысячи жен и наложниц, был покорен Любовью, истинной Любовью к простой смуглой пастушке. И ничего не мог сделать с переполнившим все его существо чувством, оно покорило его и заставило забыть про всю его царскую власть и величие, он пал к ее смуглым ногам. Переполнившее мудрого царя великое чувство открыло ему: таится в сущности человека нечто такое, что превышает самой высокой власти, неисчислимого богатства, непревзойденной мудрости, — это Истинная Любовь. И царь Соломон поведал об этом в своей божественной поэме – «Песни песней»: «...ибо крепка, как смерть, любовь; ...стрелы ее – стрелы огненные; она – пламень весьма сильный». Слова, донесшие до всех людей на земле главную тайну Вселенной – Любовь. Она извечно существовала в Начале начал. «Песнь песней» через магию слов открыла нам главный закон Вселенной.

Таким образом, человек узнал о магической силе слов, намного превосходящей мощь стихий, дикую силу могучих зверей, власть самых великих императоров. Этой силой он наделил сверхъестественные существа, которые сам и придумал и назвал их духами, божествами. Благодаря словам боги заговорили. А придумавший их человек стал их же призывать с помощью заклятий и молитв, чтобы они принесли удачу и помогли в осуществлении его желаний. Человек открыл волшебное свойство слов, способных из небытия и хаоса выводить духовные

существа, наделенные способностью к творчеству. То есть к созиданию видимого из невидимого. Сущностного из небытия. Материального из пустоты. С помощью слов, составляющих научные формулы, получать новые вещества, не существовавшие в природе.

Но самым выдающимся достижением в использовании человеком Слова оказалось открытие возможности через Слово преодолеть свое слишком краткое пребывание на земле. Всё, что мог человек получить в земной своей жизни через Слово – все материальное богатство, все привилегии власти, весь самый высокий почет в обществе, всю славу народную, – все это ничто перед этой возможностью. Она выпадает маленькому человеку с коротенькой его жизнью опять-таки благодаря Слово. Это возможность обрести беспредельное, бесконечное существование, в котором ему не угрожают ни смерть, ни энтропия, ни забвение под развалинами исторических эпох.

Я говорю о тех людях, которые по своей жизни оказались в секторах человеческого сознания, что были близки к причинам Вселенной. Люди, оказавшиеся в секторах слов, близких к началу начал мира, смогли кое-что донести о нём до своих собратьев. Например, Архимед с его законом о плавающих телах, Галилео Галилей о Солнечной системе, Исаак Ньютон о земном тяготении, Дмитрий Менделеев о таблице химических элементов, Альберт Эйнштейн об относительности времени и пространства. Этих свидетельств оказалось достаточным, чтобы такие люди, учёные мужи человечества, обрели в нем вечное существование. По крайней мере, можно надеяться, что они останутся в мире живых людей до скончания веков человечества.

Есть еще разряд людей, близких к Причинам Мирового Бытия через Слово. Если считать существующую Вселенную машиной весьма сложной, то что можно сказать о Механике, создателе этой машины? Ведь мы договорились, что не Бог создал нашу Вселенную, а рожденное вселенской Биологией человеческое Сознание. Это оно создало само понятие Бога, давая ему различные человеческие имена и наделив всемогуществом. Так вот, само Сознание, дитя вселенской Биологии, оказалось предметом пристального внимания некоторых весьма странных людей. Этими людьми оказываемся мы с вами, господа писатели.

Мы дерзнули вторгнуться в самый главный сектор ПРИЧИНЫ ВСЕЛЕННОЙ – область Творческого Сознания, и стали присваивать его священные прерогативы. Мы стали создавать свои миры, пользуясь главным инструментарием Сознания – Словом. И наша дерзость не знает границ. Должны ли мы за это понести наказание? Или Всевышний, истинный Творец Мира, снисходительно простит нас?

Писатель Гомер озвучил гекзаметрами мир великолепных античных богов, которые обитали на Олимпе и предавались всем человеческим страстям, ссорились, враждовали, завидовали друг другу, соперничали, влюблялись и изменяли. И отголоском их ссор и интриг возникали на земле войны, интриги и коварство среди людей. Об этом увлекательно рассказано в «Илиаде» и «Одиссее».

У писателя Ким Си Сыпа, по-конфуциански отвергавшего представления буддийского рая и ада в потустороннем мире, возникает «Остров, плавающий в огне», где уравниены в гармоническом единении начала Инь и Ян, и открыта сущность универсального человеческого бытия – в жизни и посмертии.

Писатель Станислав Лем создал мыслящую планету Солярис, сознанию которой известны все помыслы и желания людей, как живых так и умерших.

Ваш покорный слуга сочинил автобиографический роман «Радости Рая», в котором рассказал о своем бесконечном существовании, начиная с каменного века и кончая – Вторым Всемирным Потопом.

Многие другие писатели на земле, великие и не великие, знаменитые и не знаменитые, всеми признанные или признанные малой частью людей – создают в книгах свои миры с помощью Слов. Слова эти приходят к ним в голову сначала в своей дофонетической, незвучащей форме, в виде творческого вдохновения, затем выходят на бумагу или дисплей компьютера на каком-нибудь национальном языке.

И вот тут-то и начинается самое тяжкое испытание для тех, кто осмелился и захотел с помощью слов создавать свои миры. Уже сказано было, миры эти создаются великими и не великими писателями, а потому и книги, плоды писаний, получаются великим или вовсе не великими. Великие книги живут в человечестве долго, срок жизни их неизвестен, как неизвестно время существования человеческой цивилизации. Вместе со своими великими книгами живут, шагая из эпохи в эпоху, и их авторы.

И вот – феноменальная закономерность! Великих книг и их великих авторов не касается закон рассеяния энергии – энтропии. Происходит наоборот – время земное проходит, а энергия воздействия великих книг на людей – качественного и количественного – только нарастает. Такие «энергетические блоки» как ДОН КИХОТ Сервантеса или ВОЙНА И МИР Толстого работают всё с большей нарастающей мощностью, охватывая своим энергетическим полем все большее количество людей на земле.

Но что происходит с другими книгами и авторами, не очень великими, вовсе не великими, просто маленькими и совсем маленькими? Писателей на земле – легион, и большинство из них, даже отдав всего себя служению любимому делу, не получают должного удовлетворения. Даже те писатели, которым выпало признание и им выпал большой гонорар от своего времени, не могут быть спокойны и удовлетворены, если их книги не вобрали в себя главных качеств великих книг – приближения к ПРИЧИНАМ БЫТИЯ. Ибо книги, касающиеся только поверхности бытия, даже при самой привлекательной внешней оболочке, самой авангардной форме, быстро обслуживают конъюнктуру рынка и потом исчезают вместе с быстротечными его требованиями.

Но каждый из нас, пишущих книги, начиная и заканчивая свой путь, не знает, великий ли он писатель или не великий. В этом-то и вся наша печаль и тайная тоска. Никто из нас не знает, останется ли наша книга в веках или бесследно исчезнет в безбрежных водах Бытия. Никто из нас на самом деле не знает, большой ли он писатель или маленький. И никто ни за что не согласится, что он литератор мелкий. И в этом вся тоска и томление духа. Также никто не будет на 100% уверен, что он гениальный, бессмертный писатель. И в этом тоже тоска, суета сует, одно лишь томление духа.

Ни Сервантес не знал, что станет с его писательством после его смерти, ни Шекспир, ни Андрей Платонов. Авторы книг с малым тиражом или вовсе не тиражированных книг – никто из них не мог сказать себе, что он станет бессмертным через свои книги. Свое присутствие в человеческой Вечности никто из нас не сможет предугадать или обеспечить заранее. Звание БЕССМЕРТНЫЙ, если заслуживает, он получает только после своей смерти из рук самой Истории, а не от Нобелевского комитета при жизни.

Многие уже признанные в мире писатели, в том числе и лауреаты Нобелевской премии, самые широко читаемые авторы детективного жанра или всемирных фантазий быстро спадают с Колеса Сансары мировой литературы, словно лепестки цветов в садах человеческих. Еще один годовой поворот Колеса – и уже другие

имена возносятся к небесам известности, а прежние уже забыты. Остаются одни имена Бессмертных. Среди них оказываются далеко не все лауреаты Нобеля, а некоторые, не попавшие в их число, попадают в бессмертный список самостоятельно. Например, Лев Толстой.

Однако нас привлекает к писательской деятельности не только жажда славы, признаний и богатства. Есть тысячи способов удовлетворения этих желаний более легким и благодарным способом, чем писательство. Многие из нас помнят наше мучительное, беспомощное, тревожное состояние души в дебюте нашего дела, многим долго не удавалось привлечь внимание и добиться признания своего творчества, многие ломались и прекращали свою работу на полпути. Были и такие, что всю жизнь творили свои шедевры, не сумев донести их до человеческого внимания, и ушли из жизни, словно художник Ван Гог, доведенные до безумия непризнанием и глухим, враждебным невниманием конформизма к своему творчеству.

Но что же тогда так неудержимо притягивает нас к художественному творчеству? Почему Юлий Цезарь, всемогущий римский император, завидовал участи поэта Катуллы и преклонялся перед ним? И что заставило абсолютного мирового счастливца, царя Соломона, который имел все, что может иметь человек на земле, взяться за перо и написать в «Экклезиасте»: «Суета сует – все суета!»

«...составлять много книг – конца не будет, и много читать – утомительно для тела». Так понимал наше писательское дело в прошлом один из самых признанных мудрецов в мире – израильский царь Соломон. Но все равно – первейшим своим делом он считал писательство и навечно оставил нам свои сочинения: «Притчи Соломоновы», «Песнь песней», «Экклезиаст».

Что же нам остается делать – не царям, не мудрецам, не владельцам несметных сокровищ – если и нам почему-то больше всего на свете хочется писать книги? Хотя и понимаем, как и Соломон, что для человека «много читать – утомительно для тела». Быстро бегут дни человека на земле, и весь срок жизни его короток как дуновение ветра, – но не жалея зря растрченного времени, мысленно извинившись перед читателем, мы снова беремся за перо, и принимаемся писать свое очередное сочинение, в глубине души надеясь, что это будет бессмертный шедевр.

Ибо сильна Любовь, как смерть, и эту Любовь можно было донести до любимого человека только при помощи Слова. Стало быть, Слово – сильнее смерти, ибо любовь доходит от одного сердца до другого через такую могучую преграду, как стена смерти. И здесь идет речь не только лишь о любви мужчины к женщине или женщины к мужчине. А идет речь о той Любви, которая лежит в основе Мироздания и заставляет звезды небесные не сталкиваться друг с другом, подчиняясь безжалостному закону всемирного тяготения, а кружиться друг возле друга в космическом хороводе Любви по взаимно шадящим орбитам.

Все, что написал в своих письменах и скрижалях человек о Вселенной, – то написано языком художественной литературы. «Библия» – это высокохудожественное поэтическое произведение, ритмизованная поэзо-проза, и трактат Лао-Цзы «Дао Дэ Цзин» – это высочайшие поэмы, как и буддийская «Дхаммапада», и «Евангелие», и «Коран», и «Илиада» с «Одиссеем», и «Дон Кихот», и «Война и мир».

Вершитель Мира повелел человеку сочинить Вселенную на высочайшем уровне художественного языка. Использовать Слово самого высшего качества. Поэтому Вселенная, сотворенная Сознанием и одетая в причудливые сверкающие одежды Слов, предстает столь прекрасным произведением искусства. Композиция его уравновешена, соединение деталей в единое целое совершено с великолепной гармонией. Вселенная, которую мы создали, великолепна! И всякие Вселенные,

созданные на разных языках в различных космогонических системах народов и религий мира в прошлом, были прекрасны и совершенны. Ибо такова была воля Творца ПРИЧИН МИРОЗДАНИЯ – оно должно было выстроено из материала словесности самой высокой пробы.

4

В БИБЛИИ рассказано, как Бог сотворил Вселенную за шесть дней. Мы понимаем, что это рассказ неведомого повествователя, творение древнего писателя. И существовал самый первый рукописный свиток, на котором были начертаны слова, рассказывающие о великом труде Бога над сотворением мира. Эта самая дорогая священная рукопись величайшего безымянного писателя не сохранилась, и бытуют разные мнения о ее сакральном происхождении. Есть люди, которые считают, что тексты Библии нерукотворны. Чудесное возникновение и материализация в книгах Воли Божией. Это вполне возможно, ибо всё в экзистенции Мироздания есть чудо.

Но не произнося и слова сомнения в том, все же надо отметить некоторые моменты в связи с появлением в человечестве таких священных книг, как Библия. В ней повествование ведется в третьем лице. О Боге рассказывает кто-то. Текст – не слова самого Бога. И автор этих не Божественных слов комментирует сакральные помыслы, действия и чувства самого Бога. И увидел Бог свет, что он хорош; и отделил Бог свет от тьмы. Рассказ о Боге ведется в тональности священного свидетельства, но все же от себя, свидетеля со стороны. И это подводит к мысли, что некий человек, безвестный автор, рассказывает о сотворении Богом мира, словно бы наблюдая космическое священнодействие со стороны. И при этом дает еще и комментарии. И увидел Бог все, что он создал, и вот, хорошо весьма.

Все это дает нам уверенность говорить, что у всех эзотерических текстов, у всех священных книг, в безымянных эпосах, легендах – везде присутствовал какой-нибудь автор. И это, друзья мои, наверное, был такой же писатель, как вы, как я. Маленький человечек, с коротенькой жизнью, весьма обремененный множеством житейских проблем.

И это к нам, в нашу маленькую голову, приходят Слова, которые мы укладываем в строчки и абзацы текста. Это мы, избранные или наказанные, счастливики или самые последние на свете несчастливцы, блаженные или величайшие грешники – мы, называемые писателями. Мы работаем с самым важным, самым ценным, самым удивительным, самым сильным строительным материалом Мироздания – человеческим Словом. Заслуживаем ли мы такой чести или не заслуживаем, обречены ли мы на великое несчастье или нас ожидает великая слава, будем мы в вечном Пантеоне народной памяти или исчезнем из нее навсегда, – этого из нас никто не знает. Не знает тогда, когда начинается свой писательский путь, и тогда, когда заканчивает его. И очень знаменитый, и совсем безвестный. И названный при жизни великим, или никак не названный на великом пиру литературы.

Однако не нужно отчаиваться. В нашем странном, непонятном, неуверенном положении, жёстко зависимом от окружающего конформистского мира, от его политической регламентации и рыночной конъюнктуры, от капризов моды, от состояния нравственного уровня человеческого общества, устанавливающего моральные ценности, – несмотря на все угрозы и химеры, похожие на образы в картинах Иеронима Босха, – у писателя есть утешение всех его печалей.

Это не слава, не известность, не большие тиражи книг, не общественное признание, не премии и государственные награды. Все это у писателя может быть – может не быть, это как угодно будет судьбе. Но единственного у него не может

быть даже при самой благосклонной к нему судьбе. Писатель захочет написать такую книгу, где вдруг появится прекрасная героиня, которую автор настолько полюбит, что захочет уйти в своё сочинение и раствориться, исчезнуть вместе с любимой в неведомых долинах собственной фантазии. Возможно ли такое? Это и есть надежда и утоление всех печалей писательских – уход от экзистенциального отчаяния царя Соломона. У писателя есть возможность – или, скорее, невозможность написать такую книгу. Но если он будет писать такую книгу – это ли не самая упоительная СВОБОДА! Это ли не утешение, не наивысший восторг и главный смысл писательского дара, который он получил от судьбы?

Все читанные мною книги были написаны в глаголе прошедшего времени – perfect – и рассказывали о том, что уже было. Так, мы узнали уже, как происходил Армагеддон – из книги Иоанна Богослова «ОТКРОВЕНИЕ». Были серьезные попытки написать о том, что произошло в будущем, например, роман Оруэлла – «1984», но пришел настоящий 1984 год, и книга сразу стала фантазией о прошлом, как и все другие книги.

Думая о художественной литературе будущего, я бы пожелал ей одного. Освобождения от плена глагола прошедшего времени. Ведь все, рассказанное о том, что прошло – это рассказы о том, чего уже нет и никогда больше не будет. Но читать без конца истории про то, чего уже нет – даже самые замечательные и увлекательные романы, как «Война и мир» или «Сто лет одиночества», или «Доктор Фаустус», – читать истории прошлого, в то время как навалились беспредельные цунами настоящего и бушуют где-то невдалеке грозы будущего – погружаться вниманием в литературную стихию, где господствует однополярная форма глаголов прошедшего времени – это становится невыносимо скучно.

Я понимаю, что если мы представляем жизнь как непрерывное одностороннее движение от прошлого к будущему – нам не уйти от рутины воссоздания жизни в литературе лишь как рассказа о том, что было в прошлом. Владычествует глагол прошедшего времени. PERFECT. И чтобы освободиться от жестокой власти ностальгии по ушедшей жизни, нам надо стать совершеннее и космически шире, чем мы есть. Очевидно, мы должны включить в пределы своей экзистенции нашу дожизнь, соединить с жизнью и продолжиться в послежизни. Но об этом в другой нашей беседе.

